

АНДРАНИК МИГРАНЯН

Конец России?

СВОБОДНАЯ
МЫСЛЬ — XXI

2002 № 7

По всей видимости, те люди, которые в свое время принимали решение о роспуске СССР как геополитической реальности и субъекта международного права, не отдавали себе отчета в том, что этим актом они ликвидируют не только СССР. Минуло всего лишь 10 лет со времени подписания Беловежских соглашений, а уже со всей очевидностью вырисовывается картина медленного ухода под воду и самой России. Если после гибели западной части Римской империи ее восточная часть, Византия, прожила славную тысячелетнюю историю, то теперь создается впечатление, что Россия как государство, как субъект международной политики и как геополитическая реальность вряд ли протянет и сто лет после распада Советского Союза в нынешних своих границах.

Пишу об этом с огромным чувством горечи и с надеждой на иную участь для расчлененной Родины. Но существующие реалии заставляют смотреть на вещи трезвыми глазами и видеть то, от чего пытаются отворачиваться политики, так как это портит им настроение, и значительная часть экспертов, так как это не может дать им никаких возможностей заработать здесь и сейчас. Даже такая грандиозная дата, как десятилетие распада СССР, не стала поводом для серьезного обсуждения вопросов о том, что с нами произошло? Почему это произошло? Что нас ждет впереди? И что нам делать? Политический класс, бизнес-элита и экспертное сообщество полностью погрузились в процесс бесконечного дележа нажитых в СССР собственности и богатств, когда одни госчиновники и лидеры отечественного бизнеса, сговариваясь, берут себе жирные куски, а эксперты интерпретируют этот процесс как строительство демократических институтов и рыночных механизмов, как встраивание России в цивилизованный мир. По поводу того, как на деле происходит строительство рынка и демократии, сказано много, в том числе и мною, а потому остановлюсь на вопросе встраивания России в цивилизованный мир — то есть на поиске Россией своей ниши в сложившихся в мире новых международных отношениях.

Парефразируя Чаадаева, можно сказать со всей ответственностью, что главной трагедией для отечественного руководства во все времена было отсутствие исторической памяти (Чаадаев в этом винил русский

МИГРАНЯН Андраник Мовсесович — профессор политологии МГИМО(У) МИД России.

народ. — А.М.), всегда приводящее к тому, что всякий русский руководитель каждый день начинает, словно с чистого листа, а потому обрекается на повторение одних и тех же ошибок. Со времен Горбачева СССР, а затем Россия, проходит третий этап своего геополитического и геостратегического отступления, приведшего к подчинению политики страны стратегическим целям и интересам Соединенных Штатов, не имеющих в свою очередь никаких обязательств перед нею, поскольку не существует никаких серьезных общих для США и России экономических, политических союзов или структур безопасности. Таким образом, провозглашенная на первом этапе Горбачевым политика встраивания России в западную цивилизацию закончилась потерей ее присутствия и влияния в Азии, Африке, Латинской Америке и Восточной Европе. Вместо интеграции в Европу и цивилизованный мир через обмен военной силы, геополитических, геостратегических преимуществ, имевшихся благодаря присутствию во всех ключевых зонах мира, на привлечение Запада к модернизации советской экономики, на способствование выходу российских товаров на мировые рынки, на вовлечение России в экономические, политические и оборонные структуры Запада, горбачевское руководство пошло на беспрецедентную в мировой истории глупость: оно попыталось превратить сферу жестких, прагматических отношений в филантропическую сферу, где, по их замыслу, за добрые дела и геополитические подарки и уступки СССР должен был получить вознаграждение в виде интеграции в цивилизацию. Эти люди не понимали, что путь в компанию цивилизованных народов (тем более что многие из тех, кто уже там, СССР и нынешнюю Россию не считали и не считают «своей», то есть европейской по культуре и менталитету, страной) — это путь жесточайшего торга. Не мешало бы иным лидерам эпохи Горбачева вспомнить, сколько крови стоило Европе в 1960—1970-е годы одно только вовлечение Великобритании в «Общий рынок». Очевидно, что СССР мог интегрироваться в цивилизованный мир только шаг за шагом при условии сохранения своего научно-технического потенциала, мощнейших вооруженных сил, консолидированной власти внутри страны. И каждый шаг на пути интеграции СССР в Запад должен был компенсироваться — через упорные переговоры — за счет ухода из Никарагуа или Анголы, финляндизации Восточной Европы, медленного изменения институциональной и ценностной системы в СССР и т. д. И окончательный уход СССР из Восточной Европы должен был совпасть по времени с *необратимой интеграцией страны в западный мир в качестве самостоятельного и равноправного партнера*. Конечно, это некая идеальная модель, но она должна была существовать как в головах политиков, так и в соответствующих документах, где следовало заранее детально расписать шаги, которые должны были привести к необходимому результату как для СССР, так и для мира в целом. Суммируя, можно сказать: интеграция в цивилизованный мир и в Европу в качестве равноправного партнера для тех стран и народов, которых там считают чужаками и нецивилизованными, возможна только при наличии у них громадных ресурсов в военной, политической, геополитической и геостратегической сферах и их продуманного обмена на финансовые ресурсы и технологии, необходимые для осуществления модернизации в экономической, политической и социальной системах. Именно таким путем медленно, но уверенно, движется сегодня Китай, с каждым годом увеличивая свой потенциал и ресурсы для облегчения процесса интеграции в цивилизованный мир.

Создав хаос внутри страны, Горбачев и его команда утратили контроль над процессами, происходившими как в СССР, так и в мире, и тем самым бесплодно растранили тот ресурс, который можно было использовать для обмена с Западом: «Мы Вам — уход из Европы и модернизацию СССР, выход из тоталитаризма; Вы нам — интеграцию в Запад и цивилизацию». К августовскому путчу и Беловежью СССР подошел уже с гораздо меньшим ресурсом для интеграции в Запад, чем тот, который имелся к моменту прихода к власти Горбачева в 1985 году. Не секрет, что за десять лет до этого, в 1975 году, Зб. Бжезинский, призывая Запад мобилизоваться для отпора экспансии коммунизма и СССР, цитировал В. Брандта, который, уходя с поста канцлера, сказал, что западным демократиям осталось жить до конца XX века, а там уже весь мир утонет в море тоталитарных диктатур. «Вьетнамский синдром» и поражение США в Юго-Восточной Азии, успехи коммунистов на выборах во Франции, Италии и Португалии, успехи ориентированных на СССР сил в Центральной и Латинской Америке, в арабском мире и в Африке вызывали тогда чувство исторического оптимизма именно у советского руководства, коммунистов и антизападников повсюду в мире, а не на Западе, как это уже сегодня, после распада СССР и соц-системы, кажется многим аналитикам, когда они смотрят на руины некогда устрашавшей весь мир империи.

Увы, с сожалением приходится констатировать, что ельцинская Россия в лице своих маргинальных и второстепенных государственных и дипломатических работников и новой, либеральной в самом вульгарном и провинциальном смысле, политической элиты не смогла (да она и не ставила перед собой такой задачи) извлечь уроки из трагической попытки СССР встроиться в Запад и тем более не осознавала необходимость обмена все еще имевшихся в распоряжении России ресурсов в отношении с Западом на интеграцию в цивилизацию и в новый мир. Примитивные политики и дипломаты ельцинской команды нам и всему миру объявили, что мы уже на Западе и в цивилизации. Для них ликвидация КПСС, отмена марксизма-ленинизма как доминирующей идеологии, начало либеральных реформ означали, что Россия уже не имеет никаких специфических интересов, что нет причин для конфликтов и противоречий с Западом, что у всех одинаковые ценности и институты и потому открываются перспективы для безоблачных отношений между Западом и Россией. Правда, предполагалось, что раз российские демократы и реформаторы сами, без всякой торговли о цене, разрушили сначала СЭВ и ОВД, затем способствовали объединению Германии, ушли из Восточной Европы и вообще отовсюду в мире, а в довершение ко всему еще и разрушили Советский Союз, то теперь священный долг западных демократов организовать «план Маршалла» для России и стран СНГ, модернизировать их экономики, создавать основы гражданского общества, укреплять демократические институты и ценности и интегрировать в западные структуры. Однако очень скоро выяснилось, что Запад воспринимает так называемую демократическую Россию как новую угрозу для мира. Если СССР был угрозой из-за своей силы, то Россия — из-за своей слабости. В первую очередь Запад беспокоили наш ядерный арсенал и другие виды оружия массового поражения, которые могли попасть в руки стран, причисленных американцами к странам-«изгоям» и теоретически способных применить российское оружие массового поражения и научно-технический потенциал против США и Запада.

Таким образом, Запад не только не был вовлечен в процесс строительства в России эффективного демократического государства с развитой рыночной системой, но и оказался — речь идет прежде всего о США — заинтересован в стратегическом плане в трех вещах:

— во-первых, направлять деньги в Россию в первую очередь для сокращения и уничтожения ее ядерного арсенала и других видов оружия массового поражения;

— во-вторых, не допустить в какой бы то ни было форме реинтеграции постсоветского пространства под эгидой России, которое в перспективе, на основе более эффективной модели социально-экономической системы, могло бы создать в лице России могущественного конкурента в мире;

— в-третьих, не допустить быстрой консолидации государственной власти в России и восстановления субъектности государства, без которой невозможны ни создание эффективной экономики, ни интеграция постсоветского пространства.

Как стало очевидно в дальнейшем, среди приоритетов США и Запада в отношении России не было цели ее интеграции в европейские и международные структуры через списание долгов, модернизацию ее экономики и признание за ней статуса равноправного партнера. В этот период суть отношений между Западом, особенно США, и Россией наиболее точно выразил один из сотрудников клинтоновской администрации, чьи слова широко цитировали мировые СМИ: «Россия делает вид, что она великая держава, мы делаем вид, что в это верим». Внешняя политика России того периода соответствовала западным представлениям не об интеграции, а об адаптации России к новой ситуации в мире. А это означало, что отныне Россия рассматривается не как серьезный субъект международных отношений, а как объект, с которым можно обращаться без учета ее интересов, тем более что министр иностранных дел А. Козырев, да и Б. Ельцин, в первые годы своего правления занятый прежде всего войной с Верховным Советом и «коммуно-фашистами», не думали об интересах страны, а были озабочены задачей сохранения своей власти с помощью того же Запада. Только после разгрома Верховного Совета, некоторого укрепления власти и принятия новой Конституции, что устранило непосредственную угрозу положению Ельцина, даже в элитных демократических кругах появились первые признаки разочарования тем, что Запад не собирается решать проблемы России. Во внешнеполитической риторике Ельцина и Козырева появились намеки на обозначение каких-то российских интересов в жизненно важных зонах ближнего и дальнего зарубежья. Однако ни по одному вопросу не были разработаны позитивная повестка и программа действий, и от всех заявлений об особой роли России на Балканах, и особенно в Югославии, на постсоветском пространстве, при принятии конкретных решений после недолгого торга с Соединенными Штатами и Западом отказывались за бесценок. Таким образом была сдана Югославия, фактически ликвидирована вся ялтинская система и сведены на нет роль и значение главного института мировой политики как продукта этой системы — ООН и Совета Безопасности этой организации. Но если на начальном этапе Козырев сдавал эти позиции, мотивируя свои действия тем, что у России нет особых национальных интересов и она должна адаптироваться на условиях США и Запада, что выглядело как идео-

логически оправданная линия радикал-либералов, то в дальнейшем смена риторики при сохранении той же линии уступок высветила всю слабость и беспомощность российского государства, которое в целом ряде эпизодов в отношениях с Западом (как в случае с игнорированием США Совета Безопасности ООН и бомбардировкой Югославии и Ирака, так и с активным созданием геополитического плюрализма на постсоветском пространстве) не смогло сделать никаких адекватных ответных шагов, способствовавших бы укреплению субъектности России в отстаивании своих интересов в мире. Ельцинский этап геополитического отступления закончился полным поражением России на Балканах и разгромом Югославии, похоронами любых надежд на реинтеграцию постсоветского пространства хотя бы в рамках СНГ, угрозой потери Чечни и Северного Кавказа, перспективами превращения теперь уже самой России из конфедерации де-факто в конфедерацию де-юре.

Российская внешняя политика в период Ельцина — Примакова попыталась выработать концепцию многополярного мира и препятствовать доминированию США. Однако данная концепция не получила серьезной теоретической разработки, не говоря уже о конкретных программах ее реализации. Попытки использовать заинтересованность Китая, Индии, Ирана, Египта, целого ряда стран Европы, Азии и Латинской Америки не получили должного осмысления и оформления ни в российских политических, ни дипломатических, ни экспертных кругах. В значительной степени это произошло из-за отсутствия реальной востребованности такой концепции со стороны властей и из-за интеллектуальной убогости как политического, так и экспертного сообщества. Вовсе не случайно, что почти одни и те же люди занимались внешней политикой как на политическом и дипломатическом, так и экспертном уровнях как при коммунистах, так и при Ельцине, а теперь и при Путине. Подобная «пластичность» политиков и экспертов может быть весьма прибыльной лично для этих людей. И нет ничего удивительного в том, что одни и те же люди сначала привели к гибели СССР, а теперь готовят гибель России как государства — субъекта международных отношений.

На наших глазах разворачивается третий этап стратегического отступления России в мире — теперь уже при президенте В. Путине. Породив большие надежды у населения страны, обещав восстановить достоинство и величие России как державы и субъектность государства как внутри страны, так и в мире, добившись определенных успехов в Чечне, в прагматичной политике на постсоветском пространстве и в мире, консолидировав государственную власть, Путин столкнулся с новым вызовом, обрушившимся на мир 11 сентября 2001 года после терактов в Америке. Решения, принятые после этих событий, когда в сжатые сроки надо было ответить, где стоит Россия в то время, как президент Буш в угрожающей форме заявил: «Кто не с нами, тот против нас», решения, принятые президентом России спонтанно, без необходимого обсуждения и механизмов для принятия решений, без просчета результатов принимаемых решений, оказались катастрофическими по своим последствиям.

Расчеты на получение соответствующих дивидендов в обмен на безоговорочную поддержку и предоставление всех своих возможностей в распоряжение США оказались построенными на песке. Часто говорят, что удар по талибам со стороны США и Запада был в наших интересах. Возможно, это и так. Однако в данном случае талибы бросили вызов именно США, и это была война Соединенных Штатов, они должны были воевать вне зависимости от позиции России. А вот нужны ли были нам такая молниеносная война и разгром талибов? Ответ однозначен — нет. До разгрома талибов мы были лучшими друзьями США, но потом, после разгрома, политика Вашингтона по отношению к России вернулась к периоду даже не до 11 сентября, а к первым месяцам правления администрации Буша, когда президент и ключевые члены его кабинета как будто соревновались между собой, кто лучше выскажет свое пренебрежение по отношению к России. Полностью оказались посрамлены те политики и аналитики, которые говорили о том, что 11 сентября дало уникальный шанс России быстро интегрироваться в НАТО, в Европу, в западную цивилизацию, что между талибами и США Путин выбрал США и Запад и это открывает для России светлые горизонты.

Попытаемся подвести итоги политики Путина после 11 сентября и подсчитаем достижения и потери. *Во-первых*, и это самое главное, впервые США осуществили качественный «геополитический рывок после распада СССР и конца “холодной войны”» и вышли в тыл России, Китая и Ирана. Закрепление США в Афганистане и Центральной Азии меняет геополитику как этого региона, так и мира на многие десятилетия вперед. Приход США в этот регион действительно не может не обрадовать лидеров стран Центральной Азии. Эти страны были объектами потенциального давления со стороны России, Китая и исламского фундаментализма. В этих странах огромные ресурсы, особенно энергетические. До прихода США они находились в своего рода геополитическом тупике, зажатые со всех сторон и уязвимые со стороны крупных соседних держав. С одной стороны, США как бы открывают их ресурсы, в первую очередь энергетические, для себя и для Запада, с другой — они могут их защитить как от фундаменталистов, так и от возможной экспансии со стороны Китая и России.

США, доминируя в Афганистане и Центральной Азии, окажутся в состоянии определить направление газопроводов и нефтепроводов и не всегда при этом будут исходить из чисто экономической выгоды тех или иных компаний. Продвигаясь дальше в Закавказье, они фактически возьмут в свои руки процесс формирования нового «шелкового пути», по которому пустят энергетические ресурсы Каспийского региона, создадут эффективные транспортные пути и товаропотоки. Как транспортные пути и товаропотоки, так и газы и нефтепроводы пойдут в обход России, что резко ослабит ее присутствие в регионе. США уже сегодня пытаются перейти от слов к делу в строительстве нефтепровода Баку — Джейхан с подключением к нему нефти Казахстана и других стран региона. Одновременно в американских политических кругах и в конгрессе обсуждается вопрос о проведении одной ветки этого нефтепровода через Армению, с тем чтобы экономической и энергетической взаимозависимостью связать воедино все страны как Центральной Азии, так и Закавказья. Не случайно сегодня госдепартамент США активизировал свои усилия по нормализации отношений между Турцией и Арменией, Арменией

и Азербайджаном. Если США удастся добиться успеха и в этих направлениях, то России придется окончательно распрощаться не только с Центральной Азией, но и с Закавказьем, где она все еще присутствует в качестве реального фактора благодаря нерешенности армяно-турецких и армяно-азербайджанских проблем.

Во-вторых, США демонстративно вышли из договора по ПРО, хотя предполагалось, что они дадут России шанс спасти лицо, осуществят испытание компонентов ПРО, но скорее модифицируют сам договор, отказавшись сокращать и уничтожать боеголовки своих межконтинентальных ракет. Нет ничего удивительного в том, что они отказываются заключить обязывающий договор с Россией о количестве боеголовок. Это означает, что США переводят свои отношения с Россией на другой уровень. СССР они считали равной для себя державой, а Россию — нет; и поскольку сами российские политики и эксперты полагают, что срок годности наших ракет и так закончится через несколько лет и у нас нет ресурсов по наращиванию ядерно-ракетного арсенала, то было бы глупо со стороны США связывать себя какими-то формальными договоренностями с Россией в этой области.

В-третьих, на пражском саммите Совета НАТО, возможно, будет принято решение о новом расширении НАТО на восток, после которого эта военная организация включит в свой состав бывшие прибалтийские республики Советского Союза. Это будет означать, что и на Западе будет преодолена красная линия в отношениях США — Россия и Запад — Россия.

Таким образом, США, обосновавшись в Центральной Азии, Закавказье и Прибалтике, вплотную подойдут к России. Следующим объектом для давления станет Белоруссия. Если еще на некоторое время продлятся эти бесплодные попытки объединения России и Белоруссии (по вине в основном России), то не исключено, что США поставят на повестку дня проблему Лукашенко, как раньше они делали с Милошевичем, а сейчас с Саддамом Хусейном.

В-четвертых, США и Запад вернулись к своей прежней политике в чеченском вопросе, в вопросах о СМИ в России и о правах человека. По всей видимости, они заставят российские власти пойти на новый Хасавюрт. Обосновавшись вокруг России, США попытаются управлять внутренними процессами в нашей стране. Поскольку российские власти пока что нигде не обозначили ту реальную красную линию, по пересечении которой Россия готова пойти на резкий разрыв отношений с Западом и США, последние продолжают давление на Россию, а та постоянно отступает. Самое интересное, что никто даже не пытается сформулировать пределы отступления, не говоря уже о том, что для многих либеральных политиков и аналитиков, еще недавно так сильно критиковавших Козырева, необходимости такой красной линии вообще не существует. Они считают, что Россия слаба, продвижение Запада и США неизбежно, сопротивление невозможно и бессмысленно и поэтому надо расслабиться и получить удовольствие. Еще недавно эксперты в свите бывшего фаворита президентской гонки Примакова на каждом углу рассуждали о многополярности, патриотизме и державности и поносили Козырева за бездарную внешнюю политику и за сдачу всех позиций Западу. Сегодня эти же люди в авангарде сил, которые считают идею многополярности глупостью и ратуют за немедленное вступление в НАТО, Европу и цивилизацию. Поражает пластичность тех, кто колеблется вслед за генеральной линией власти.

Они даже не осознают, что Козырев, проводя ту политику, верил в нее, а его бывшие критики, поддерживая нынешнюю политику и призывая еще быстрее идти по этому пути, выступают в роли обычных циников, стремящихся не сформулировать политическую линию и предложить ее власти, а угадать желания властей и поддержать любые ее шаги. И конечно, особенно поражает, что им кажется, будто в процессе интеграции в НАТО, Европу и цивилизацию при сохранении той политики, которую Россия проводит, от нее вообще что-либо будет зависеть.

По всей видимости, мы становимся свидетелями начала нового этапа теперь уже сформировавшейся стратегии США по отношению к России. После утилизации советского наследия в лице постсоветского пространства (Украины, Центральной Азии, Закавказья и Прибалтики) США приступают к процессу мягкого демонтажа самой России. Очевидно, что демографическая и экономическая ситуация в нашей стране не позволяет удержать более чем на несколько десятилетий ее огромные пространства и ресурсы. Если кто-то думает, будто США и Запад останутся у границ России и не пойдут дальше, то они ошибаются. Международные отношения не терпят пустоты. Расчленение России и перераспределение ее ресурсов в конце концов станут главной целью внешней политики США и других стран Запада. По всей видимости, берет верх *линия* не на укрепление России как субъекта международных отношений и фактора сдерживания Китая, исламского мира, а линия на ликвидацию России в ее нынешних границах как геополитического фактора и серьезного субъекта международной политики. Для этого все необходимое сделано на западе от России, сейчас все решается на юге, остаются кое-какие вопросы на Дальнем Востоке. Если удастся найти определенную конфигурацию отношений между США, Японией, Китаем и объединенной Кореей, то необходимость России в этом регионе просто отпадет. Имеющиеся вопросы могут быть решены скорее всего без России и за счет России.

Создается впечатление, что ни в политическом, ни в экспертном сообществе не осознается угроза, что Россия при проведении такой политики со стороны США и Запада и при отсутствии ресурсов и воли к сопротивлению со стороны собственного политического класса интегрируется в мир в качестве территории, ресурсов и человеческого материала, а не в качестве страны, народа и государства — дееспособного субъекта международных отношений.

Остается надеяться только на то, что закон о пределах имперской экспансии, открытый Монтескье на основе анализа причин возвышения и падения Римской империи, сработает и по отношению к США. Согласно Монтескье, даже самые славные империи имеют географические пределы, и этих пределов они достигают тогда, когда ядро империи начинает слабеть. Период наибольшей экспансии совпадает с периодом наибольшей «тухлости» самого ядра, после которого происходит последовательное сокращение империй с последующим их крушением. Нечто подобное произошло с СССР в 1970-е годы. Внешне казалось, что страна достигла предела своего могущества: Советский Союз был везде — в Афганистане, Африке, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии; влияние социалистических и коммунистических идей становилось доминирующим в Западной Европе. Однако уже через каких-нибудь 25—30 лет как от СССР, так и от его величия остались одни противоречивые воспоминания.

Такова сегодня реальность, в которой находится Россия в результате последовательно проводимой внешней политики США и Запада и подчинения повестке США внешней политики нашей страны со стороны Горбачева, Ельцина и Путина.

Есть ли хоть какой-то выход, кроме надежды на то, что Американская империя и глобализм по-американски, согласно закону Монтеस्कье, когда-нибудь приведут к разрушению как Американской империи, так и глобализации по-американски?

Основной проблемой современной России с точки зрения включения в Европу и цивилизацию является ее экономическая слабость, на которую накладывается институциональная слабость власти. Хотя Путину и удалось в какой-то мере восстановить субъектность государства и консолидировать власть, однако все еще не отстроена эффективная вертикаль власти, нет осмысленной стратегии ни госстроительства (об этом свидетельствует хотя бы наличие непонятого института полпредов президента в семи округах), ни внутренней, ни внешней политики. Социально-политическая стабильность в стране по-прежнему в основном зависит от мировых цен на энергоносители. С момента распада СССР за все годы существования нового российского государства так и не удалось создать орган, вырабатывающий внешнеполитическую стратегию и координирующий работу различных ведомств, так или иначе связанных с проведением внешней политики.

Если бы даже Путину удалось полностью консолидировать власть и восстановить субъектность государства и продемонстрировать волю к решительным действиям, то президенту России все равно было бы сложно чего-либо добиться, потому что центр по выработке стратегии развития России под руководством Грефа практически провалил эту работу. Ни в одной из названных выше сфер не удалось определить стратегические ориентиры, в направлении которых должна была двигаться страна.

Очевидно, что по крайней мере во внешней политике линия Горбачева — Ельцина — Путина не дает ощутимых результатов. Все эти годы говорилось о необходимости выработки собственной повестки во внешней политике. Вне всяких сомнений, что главным элементом этой повестки должна быть стратегия интегрирования России в новые международные отношения, в отличие от той стратегии адаптации, которую реализовывают по отношению к России США и Запад. В рамках этой стратегии по интегрированию необходимо было сохранить определенную дистанцию с США и Западом. Сегодня создается впечатление, что Россия как бы находится в клинче, говоря языком бокса, с США и Западом и наши партнеры заинтересованы, чтобы она в таком положении оставалась как можно дольше, так как это лишает нашу страну свободы маневра, при этом создавая иллюзию, будто мы еще более или менее твердо стоим на ногах. Есть угроза, что в любую минуту, когда США сочтут время для себя подходящим, они выйдут из клинча и Россия рухнет без всякой опоры.

Эта дистанция необходима, чтобы адекватно реагировать на те или иные шаги Запада, но в первую очередь — для увеличения собственной политической, экономической капитализации. Консолидация власти и восстановление субъектности государства даже при нынешних весьма скромных ресурсах может позволить России инвентаризировать свои ресурсы для проведения

собственной политической линии. Очевидно, что для предотвращения нынешнего процесса отступления нашей страны по всему фронту придется определить четко и ясно те зоны, в которых в случае продвижения США и Запада наша страна будет использовать все свои возможности для отпора. Для этого следует определить соответствующие зоны ближнего зарубежья, к примеру Украина или Закавказье, и в случае продвижения Запада использовать все возможности для дестабилизации ситуации в этих странах, с активным вовлечением русского и русскоязычного населения, не боясь пойти на резкую конфронтацию с Западом. Следует определить те направления научно-технического сотрудничества и те страны, которые являются слишком чувствительными для Запада, и, действуя в этих направлениях, добиваться от Запада выгодных для себя решений. Если нет реальной угрозы для США и Запада, то они никогда всерьез не будут рассматривать интересы нашей страны. Требуется фактически определить возможности по созданию *угроз* и продаже этих угроз Западу в обмен на интеграцию России в западный мир. В этом отношении и военно-политическое сотрудничество с Китаем, Индией, Ираном, другими крупными региональными державами трудно переоценить. Необходимо и эти связи создавать, развивать, чтобы обменять это на интеграцию в Запад. Следует рассмотреть возможность быстрого институционального оформления шанхайской организации сотрудничества. Возможно, в другом составе, так как страны Центральной Азии, по крайней мере Узбекистан, могут выступить в роли представителей США внутри этой организации. Это все нужно России не для конфронтации с США ради доминирования в мире или продвижения своей модели организации в мире, а всего лишь для усиления своих позиций в торговле с США и Западом, за интеграцию в цивилизованный мир хотя бы с минимальным учетом интересов России как государства и субъекта международных отношений.

Конечно, я лишь пунктиром обозначил некоторые стратегические задачи, стоящие перед Россией, которые она должна решить, если хочет сохранить свою целостность и интегрироваться в цивилизованный мир. У меня нет никаких иллюзий относительно способности нынешнего политического класса сформулировать и реализовать такую внешнюю политику, используя консолидированную власть внутри страны. По крайней мере дважды России была предоставлена возможность поднять ставки и действовать в собственных интересах, выторговывая для себя более выгодные возможности для интеграции в Запад. Первый раз — во время всей эпопеи с распадом Югославии и примерным наказанием сербов США и Западом в 1999 году. Блестящая возможность не допустить победы США при явном и демонстративном игнорировании Совета Безопасности ООН была бездарно упущена из-за страха испортить отношения с США и Западом. Не было элементарного понимания, что отсутствие легкой победы на Балканах при явном игнорировании и выбрасывании России из этой традиционной для нас зоны присутствия и влияния только увеличило бы уважение прагматичных лидеров США и других стран Запада. И после 11 сентября требовалась более продуманная политика по допуску США в Афганистан, по использованию Северного альянса, по предоставлению коридоров над собственной территорией и баз на территориях стран — членов СНГ в обмен на реальные обязательства США перед Россией, которые могли бы быть компенсацией за геостратегический и геополитический рывок США и Запада

в самый чувствительный для России, Китая и Ирана регион Центральной Азии и Афганистан. Совершенно очевидно, что борьба с терроризмом сегодня используется в качестве инструмента внешнеполитического продвижения США и доминирования в мире, как в свое время и проблема прав человека. Несомненно, Россия за борьбу против терроризма. Однако сегодня ни ООН, ни какие-либо иные международные структуры не решают, что такое терроризм и как с ним бороться. Это делают США, используя эту проблему как инструмент для достижения своих целей.

Конечно, я понимаю, что предлагаемая линия поведения чревата тем, что в каждом случае есть риск не получить должное от США в торговле своей позицией и при этом испортить с Западом отношения. При нынешней зависимости российской элиты от Запада, где находятся их дети, деньги, собственность, вряд ли такая политика будет ею поддержана. Однако хочется надеяться, что есть другая, более патриотически настроенная элита в институтах власти, представители которой одновременно являются как патриотами России, так и настоящими западниками, и хочет видеть Россию на Западе в качестве полноправного партнера и субъекта международных отношений, а не в качестве территории и сырьевого ресурса. ◆